

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА,
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 340.15

Галкин Олег Витальевич

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук

при Правительстве Республики Мордовия

Отдел истории

Россия, Саранск

galkinoleg1999@gmail.com

Galkin Oleg

Research Institute of the Humanities

by the Government of the Republic of Mordovia

Department of History

Russia, Saransk

**ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА КАК СУБЪЕКТА
ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (1955-2007 ГГ.)**

Аннотация: статья представляет собой историческое исследование правового статуса прокурора как субъекта доказывания в отечественном уголовном процессе. Автор отслеживает исторические трансформации полномочий прокурора в отношении доказательственной деятельности, а также доктринальные взгляды и оценки роли прокурора в доказывании. Автором выявляется основное противоречие между объективностью и независимостью прокурорского надзора за доказыванием и активным непосредственным участием прокурора в доказывании на протяжении всей его истории. В статье делается вывод, что исторический опыт должен быть основой для дальнейшего развития правового статуса прокурора как субъекта доказывания.

Ключевые слова: прокурор, история прокуратуры, субъект доказывания, уголовный процесс, история права, советское право

HISTORY OF LEGAL STATUS OF THE PROCURATOR AS A SUBJECT OF PROOF IN CRIMINAL PROCEDURE (1955-2007)

Annotation: the article is a historical study of the legal status of the procurator as a subject of proof in the Soviet and Russian criminal procedure. The author traces the historical transformations of the procurator's powers and functions in relation to various aspects of evidence-related activities, and the doctrinal views and evaluations of the prosecutor's role in proof. The author identifies the main contradiction between the objectivity and independence of the procuratorial supervision over proof and his active involvement in proof across its history. The article argues that the historical experience should inform the further development of the legal status of the prosecutor as a subject of proof.

Key words: procurator, history of procuracy, subject of proof, criminal process, legal history, Soviet law

Правовой статус прокурора, в отличии от прочих субъектов доказывания, претерпевал наибольшие изменения за свою историю. Несмотря на это, специальные исследования этого вопроса, которые бы затрагивали продолжительные исторические периоды отсутствуют. Между тем, и для определения полномочий прокурора в доказывании в действующем законодательстве необходимо изучать правовой статус прокурора в историческом контексте. Вопросы доказывания и, в частности, субъектов доказывания, здесь также играют важную роль исходя из их огромного значения в уголовном процессе.

1955-й год вынесен в заглавие темы статьи, поскольку этот год стал важным этапом в истории советской прокуратуры, с него наиболее правильно отсчитывать окончательное формирование советской модели прокурорского надзора в уголовном процессе. Примерно в это время появляются первые значимые теоретические работы, в которых раскрывается правовой статус

прокурора как субъекта доказывания. Так, в 1958 г. В.П. Резепов однозначно выделял прокурора как субъекта доказывания и подчеркивал, что в советском уголовном процессе прокурор в ходе предварительного расследования обязан принимать активное участие в доказывании виновности лица, совершившего преступное деяние, а также в установлении невиновности лица, ошибочно привлеченного к уголовной ответственности [11, с. 117]. В 1955 г. также вступает в силу новое положение о прокурорском надзоре [17], принятие которого связывают с восстановлением в своих правах и усилением прокурорского надзора [20, с. 65]. Кроме того, в нем, в отличие от предыдущего положения 1922 года, более детально закреплена правовая статус прокурора в уголовном процессе, позволяющий охарактеризовать его в том числе как субъекта доказывания. Так, в ст. 19 положения указывалось, что прокурор, осуществляя надзор за расследованием преступлений, вправе давать органам дознания и предварительного следствия указания о расследовании преступлений, участвовать в производстве предварительного следствия и дознания по уголовным делам и в необходимых случаях лично производить расследование по любому делу [17]. Заложенные в новом положении нормы получили дальнейшее развитие и конкретизацию в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 [8] г. и Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года (далее - УПК РСФСР) [15].

Так, ст. 70 и 71 УПК РСФСР закрепляли полномочия прокурора на соби́рание и оценку доказательств, ст. 167, 168, 174 и 188 устанавливали необходимость получения санкции на проведение выемки документов, содержащих государственную тайну, обыска (за исключением случаев, не терпящих отлагательств), выемки почтово-телеграфной корреспонденции и помещение в лечебно-психиатрическое учреждение обвиняемого или подозреваемого, не содержащегося под стражей для проведения необходимых экспертиз соответственно [15]. Однако наибольшую важность имели положения,

закрепленные в ст. 211 и ст. 212. Согласно первой из перечисленных, прокурор был вправе в необходимых случаях лично производить предварительное следствие или отдельные следственные действия по любому делу [15]. Следующая статья закрепляла обязательность указаний прокурора. Характерно, особо отмечаемое в научной литературе положение, что в случае дачи указаний не имеет значения ни характер дела, ни ведомственная принадлежность следователя или органа дознания, производящего расследование, указание может быть дано на любом этапе следствия или дознания, а также в связи с возбуждением дела [5, с. 354]. Важно также указать на ст. 20 УПК РСФСР 1960 г., которая предписывала прокурору, наряду с другими субъектами доказывания такими как суд, следователь и лицо, производящее дознание, принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства [15], что в доктрине советского уголовного процесса было выражено в том, что прокурор также считался субъектом, устанавливающим объективную истину по делу, а на практике приводило к активному вовлечению прокурора в процесс доказывания..

Таким образом, набор полномочий прокурора как субъекта доказывания включал в себя все полномочия следователя и дознавателя по собиранию доказательств. Помимо этого, на стадии предварительного следствия прокурор мог также участвовать в процессе доказывания косвенно, давая определенные указания о собирании доказательств. К косвенному участию в доказывании следует относить и санкционирование прокурором проведение ранее упомянутых некоторых следственных действий. Кроме того, прокурором санкционировалось и избрание мер пресечения связанных с изоляцией от общества. Как отмечал Н.В. Азарёнок, прокурор в советском уголовном процессе лично изучал собранные доказательства и формировал свое внутреннее

убеждение и о доказанности причастности к совершению преступления, лишь после чего санкционировал изоляцию лица от общества. [1, с. 314].

Следовательно, прокурор являлся основным субъектом доказывания в советском уголовном процессе, имея самый широкий набор полномочий в доказывании. Не только под его надзором, но и под непосредственным руководством осуществлялась деятельность следователя по собиранию и оценке доказательств, что не исключало возможности и личного участия прокурора в доказывании. Участие прокурора в доказывании осуществлялось и в форме его участия в санкционировании проведения отдельных следственных действий.

В этой связи, совершенно справедливы характеристики всего предварительного следствия как «прокурорского расследования» [1, с. 321-322; 2, с. 121], по словам С.Б. Россинского, с принятия УПК РСФСР следователь фактически превратился в «помощника» прокурора [12, с. 30]. Однако уже в советское время начинает обсуждаться несовместимость руководства следствием и надзором за ним. Так, одним из первых случаев обсуждения этого вопроса были дискуссии в 1956-1957 гг., одна из которых проходила во время научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции во Всесоюзном институте юридических наук (ВИЮН). Особенно показательным представляются реплики Г.Н. Александрова, представляющего Методический Совет Прокуратуры СССР. Он спрашивал: «почему на 34-м или 35-м году существования органов прокуратуры у нас поставлен вопрос, в состоянии ли прокурорские органы руководить следственным аппаратом, иметь его в своей системе? Что произошло?», отмечая при этом, что «...прокурорский надзор мыслится как активная форма надзора за законностью, выражающаяся в том числе и в руководстве следствием» [14, с. 173].

Кроме организационных и процессуальных изменений правового статуса прокурора, из которого вытекает его положение как субъекта доказывания

преимущественно на досудебных стадиях процесса, обсуждалось и изменение его статуса в судебных стадиях процесса. И.Л. Петрухин в 1972 г. обращал внимание, что прокурор как государственный обвинитель не в состоянии участвовать в доказывании одновременно и как защитник, и как обвинитель, . ему, органу надзора за законностью, иногда трудно подняться выше односторонних интересов обвинения, поскольку «он еще до начала судебного разбирательства убежден в виновности обвиняемого и предлагал проведение правового эксперимента, в ходе которого изменить процессуальное положение прокурора в суде, сделав его только органом надзора, независимым от функции обвинения [9, с. 173-174]. Однако в целом же, в советской доктрине уголовного процесса продолжало сохраняться положение о неразрывности прокурорского надзора и осуществления функции обвинения. Так указывалось, что даже участие прокурора в производстве отдельных следственных действий представляет собой один из методов осуществления прокурорского надзора. [5, с. 224]. Тем самым, на протяжении всего периода начиная с 1955 г. сохраняла актуальность высказанная еще в 1958 г. В.П. Резеповым мысль, что права и обязанности прокурора в отношении проводимого предварительного расследования органически вытекают из его основной функции — надзора за соблюдением социалистической законности, являясь ее неотъемлемой составной частью [11, с. 117].

Суммировала всю критику положения прокурора как субъекта доказывания за советский период принятая 24.10.1991 Концепция судебной реформы (далее - Концепция). В ней положение прокурора подверглось широкой критике, на примере множества полномочий прокурора в доказывании показывалось что законодательство во многих случаях отрицает функциональную дифференциацию внутри системы уголовной юстиции, что выражено в том числе соединении в лице одного субъекта прокурора - различных по юридической природе видов деятельности: надзора за расследованием,

процессуального (а в случаях со следователями прокуратуры и административного) руководства расследованием и непосредственной расследовательской деятельностью [10]. Тем самым, в Концепции уже четко обозначен разрыв с ранее господствующей идеей о единстве функции надзора и непосредственного участия в расследовании. Следователь прокуратуры, как указывалось в Концепции, не может быть никем иным, кроме как вспомогательным работником при прокуроре, и делался вывод, что при таком положении нельзя обеспечить ни качество расследования, ни надзор за его законностью. Предлагалось распределять полномочия прокурора в доказывании в пользу суда и следователя, вплоть до того, что «уже на первом этапе реформы судебный контроль заменит прокурорский надзор за расследованием». Однако, согласно указанной Концепции, прокурор сохранял право руководить процессом доказывания, а непосредственное собирание доказательств предусматривалось только по узкой категории дел (при уголовном преследовании сотрудников правоохранительных органов) [10]. Многие из положений Концепции в том или ином виде были реализованы в ходе последующих изменений правового статуса прокурора.

С принятием в 2001 году нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) прокурор окончательно был лишен прав санкционирования проведения следственных действий и избрания мер пресечения [16], что лишило его, в определенной степени, права косвенно участвовать в процессе доказывания, однако в целом сохранил свои широкие полномочия как субъект доказывания: мог собирать доказательства как самостоятельно, так и путем дачи обязательных указаний, проводил оценку доказательств, мог выносить постановления о признании доказательств недопустимыми. В 2004 г. И.В. Зверев писал, что осуществляя доказывание в рамках обеспечения функции уголовного преследования, следователь и дознаватель выступают в качестве своеобразного процессуального помощника

прокурора в формулировании и обосновании государственного обвинения [4, с. 92]

Однако наиболее серьезные изменения в правовом положении прокурора как субъекта доказывания произошли в связи с принятием Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" [18]. Прокурор полностью утратил право самостоятельно проводить следственные действия и руководить следствием, а его полномочия по надзору за ходом предварительного расследования оказались значительно сокращены. Непосредственно из прокуратуры был изъят следственный аппарат, был образован Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации, который позднее будет преобразован в отдельный самостоятельный государственный орган. В юридической литературе произошедшую реформу оценивают как «смену эпохи всевластия прокурора эпохой сильного следствия» [цит. по 12, с. 42-43].

Высказывается мнение, что после этой реформы, прокурор фактически превратился в наблюдателя за доказыванием и более не является субъектом доказывания [6, с. 84]. Возражения против этого чаще всего связаны с тем, что нормативно правовой статус прокурора как субъекта доказывания во многом остался неизменным. Так, особо примечательно, что до настоящего момента многие из положений УПК РФ не согласованы с изменившимся правовым статусом прокурора как субъекта доказывания. Например, в ч. 1 ст. 86 УПК РФ, прокурор до настоящего времени указан как субъект собирания доказательств, тогда как ни одно другое положение действующего УПК не раскрывает это его правомочие [16].

Ряд авторов предлагает фактически вернуться в том или ином виде к положению прокурора до принятия данного 2007 года в целях повышения эффективности прокурорского участия в доказывании [3, с. 202; 7, с. 196; 19, с.

157]. Эта позиция частично не лишена оснований. Так, А. Ю. Синдеев в своей диссертации изучил вопрос о вынесении постановлений о признании доказательств недопустимыми и обнаружил, что после последних изменений в правовом статусе прокурора как субъекта доказывания они выносятся при изучении уголовных дел для решения вопроса об утверждении обвинительного заключения и, тем самым, отсутствует упреждающий прокурорский надзор за ходом расследования [13, С. 137]. В результате, по его словам, если ранее данное процессуальное решение органично вписывалось в инструментарий прокурора и могло побуждать следователя собирать дополнительные доказательства, то сегодня оно используется редко и не так эффективно [13, С. 137-138].

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что положение прокурора как субъекта доказывания подвергалась на протяжении всей своей истории существенным трансформациям. Прокурор, который когда-то имел полное право считаться основным субъектом доказывания в уголовном процессе, по итогу реформы 2007 г. признается субъектом доказывания не всеми современными исследователями. Хотя во многом такие оценки являются следствием разницы в подходе понимания к доказыванию, раскрыть которые в рамках настоящей статьи не представляется возможным, следует признать что едва ли исключение прокурора из числа субъектов доказывания представляется целесообразным. Несмотря на существенное сокращение своих полномочий, прокурор сохранил за собой определенные полномочия, позволяющие ему осуществлять надзор за доказыванием. Кроме того, бесспорно положение прокурора как субъекта доказывания в судебных стадиях, в которых участие государственного обвинителя, в отличии от советского периода, значительно увеличилось.

На протяжении всего обозначенного в названии статьи периода вопросы о положении прокурора в уголовном процессе, из которого закономерно вытекают его полномочия как субъекта доказывания, оставались дискуссионными. Следует отметить общее противоречие между объективностью и

независимостью надзора за доказыванием и активной ролью прокурора в доказывании. Первое, как не без оснований предполагали многие как советские, так и постсоветские авторы, может ставиться под сомнение, если прокурор сам является руководителем и полноправным участником следствия. Однако в то же время нельзя не учитывать взаимосвязь между эффективностью надзора и степени участия в доказывании. Оказываясь отстраненным от непосредственного руководства расследованием, а следственно и отстраненным от процесса доказывания, на пути прокурора встают объективные препятствия в самой возможности обнаружения и устранения нарушений законности. Кроме того, встает вопрос о своевременности обнаружения такого рода нарушений.

От того, в каком виде законодателем и учеными-юристами осознается это объективное противоречие, во многом зависит и положение прокурора. В статье было продемонстрировано, что для большей части советского периода, хотя и не без возражений, характерен большой акцент на единство надзора за доказыванием. Противоположная точка зрения, о коренном различии этих составных частей была ярко выражена в концепции судебной реформы, принятой Верховным Советом РСФСР в 1991 году. Несовместимостью соединения надзора за доказыванием с личным в нем участием руководствовался во многом руководствовался и законодатель при реформе, начатой в 2007 году. Следовательно, во многом от того, как в конкретных исторических условиях понимают взаимосвязь и различие между противоречивыми полномочиями, которыми потенциально может обладать прокурор в доказывании, и зависит его правовой статус как субъекта доказывания в действующем праве. Таким образом, история трансформаций представлений о роли прокурора в доказывании не может рассматриваться в отрыве от истории изменений его правового статуса.

История развития уголовного процесса в России показывает, что определение правового статуса прокурора как субъекта доказывания является

одним из самых сложных и неоднозначных проблем. Необходимость совершенствования участия прокурора в доказывании и его нормативного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве сохраняется до сих пор и представляется важным учитывать при этом исторический опыт трансформации правового статуса прокурора.

Список литературы:

1. Азарёнок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : дис... докт. юрид. наук. – Екатеринбург. 2021. 547 с.
2. Божьев В. П., Трусков А. И. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства : Труды Академии МВД СССР. – М., 1991. С. 118-124.
3. Захарян А. А. К вопросу о прокуроре как субъекте доказывания в досудебных стадиях отечественного уголовного процесса // Дни науки факультета права НИУ «Высшая школа экономики» : сборник докладов. – М. : Издательство "Знание-М", 2021. С. 196-201.
4. Зверев И. В. Субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2005. 195 с.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А. М. Рекунова, А. К. Орлова. – М.: Юрид. лит., 1985. 688 с.
6. Конин В. В., Корсаков К.А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве : переоценка сложившихся взглядов// Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 2. С. 81-85
7. Левченко О. В. Прокурор как субъект доказывания по уголовному делу // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 02

апреля 2021 года. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2021.
С. 190-196.

8. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

9. Петрухин И. Л. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе // Проблемы государства и права на современном этапе : Труды научных сотрудников и аспирантов. Вып. 5. – М., 1972. С. 167-179.

10. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». // «Ведомости СНД и ВС РСФСР». 1991. № 44. Ст. 1435.

11. Резепов В. П. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе // Вопросы государства и права. – Л.: Изд-во ЛГУ 1958. С. 110-123.

12. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу : сущность и способы собирания доказательств : монография. – М. : Норма, 2021. 408 с.

13. Синдеев А. Ю. Процессуальные решения прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства и их юридические последствия : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. 259 с.

14. Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, 21-23 окт. 1957 г.: Вып. III: Секция уголовного права и уголовного процесса. – М., 1958, 191 с.

15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // «Ведомости ВС РСФСР», 1960, № 40, Ст. 592.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Рос. газ», 2001, 22 декабря.

17. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24.05.1955 “Положение о прокурорском надзоре в СССР” // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1955, № 9, Ст. 222.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 26

18. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" // «Рос. газ.», 2007, 8 июня.

19. Чич Ж. Т. Собрание прокурором доказательств в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 155-158.

20. Явич Л. С. Некоторые теоретические проблемы осуществления норм советского права: Труды юридического факультета // Ученые записки: Труды юридического факультета. Ученые записки Таджикского университета. – Сталинабад, 1956, Т. 11: Вып.: 4. С. 27-69.